

27 DEC 1975

Звезда
Пермь

БЫТЬ В ИСКУССТВЕ БЕСКОРЫСТНЫМ

ЯЛЮБЛЮ этого артиста и знаю, что это мое чувство разделяют многие. Признанный талантливый актер и хороший душевный человек — ему не приходится занимать в воображении благородные черты характера для своих сценических героев, эти черты присущи ему самому.

Я впервые увидел его в роли Расплюева. Признаться, шел на спектакль без особого любопытства. Хрестоматийная пьеса русской классики — «Свадьба Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина была мне известна почти наизусть. Я шел увидеть знакомое... Но старый чудотворец, оказывается, и на этот раз приготовил неожиданность. Расплюев в исполнении А. И. Корчажникова явился для меня (и не только для меня) открытием. Его исполнение было необычайно емким, глубоким и в то же время легким, изящным. Расплюев был не только смешон, но и трагичен. Щемляще человек.

Эту тему, тему человечности как великой силы — громкой, но могучей, артист Корчажников пронесит через все свои сценические создания. И делает это с такой убедительностью, что невольно склоняешься к тому, что такое невозможно сыграть, если таким не быть. Даже в фантастических фарсовых положениях, в которых оказываются его персонажи, артист остается глубоко правдивым, осязаемо реальным в каждом своем шаге, достоверно человеческим. «Найти в человеке человека» — вот что, говоря словами Ф. М. Достоевского, удается артисту Корчажникову в лучших своих актерских достижениях.

В обыденной жизни Александр Иванович чрезвычайно

скромен, даже застенчив. Скромность эта — не рассчитанная, она исходит из его человеческой природы. И хотя в отношениях с людьми Корчажников доброжелателен и приветлив, однако, вызвать его на разговор не так-то просто. Дело, думаю, в том, что если уж он говорит, то говорит искренне, без дипломатических уверток, а разбрасываться откровенностью почитает нескромным.

Мне доводилось разговаривать с Александром Ивановичем много и о многом — и во время перекуров в театре, и бродя по набережной Камы, и во время гастрольных поездок, и за праздничным столом. Потом, придя домой и следуя извечной потребности литератора, я записывал наши разговоры. И вот сегодня мне хочется воспроизвести эти записки, дать возможность Александру Ивановичу самому рассказать читателям «Звезды» о себе и своем творчестве.

Литератор. Александр Иванович, расскажите, пожалуйста, когда и как у Вас произошло «заражение» театром?

Артист. С самого начала моей жизни ничто не предвещало, что я стану артистом. Вся моя родня была далека от искусства. Отец — Иван Иванович — был рабочим, наборщиком в типографии. Мать — Екатерина Кельсиевна — воспитывала, обмывала и обшивала многодетную семью... Жили мы в маленьком уральском городке — Стерлитамаке. Иногда в этот городок наезжали гастрольные театральные труппы. Отец частенько занимался изготовлением афиш и в благодарность ему давали контрамарки на спектакли. Матери идти в театр было некогда, и отец брал

Завтра театральная общественность Перми отметит шестьдесят лет со дня рождения и тридцать лет сценической деятельности заслуженного артиста РСФСР Александра Ивановича Корчажникова.

меня. Было мне тогда шесть-семь лет. Посмотрел я оперетту «Жрица огня». До сих пор помню, как сцена полыхала... И — «Заговор императрицы». Ничего я, конечно, не понимал. Но было — волшебство! Конечно, никакого выбора тогда не произошло. Но — поразило.

Много позже, когда учился в индустриальном техникуме, зашел как-то посмотреть занятие драмкружка. Занятие вел какой-то бывший московский артист. Фамилию, к сожалению, не запомнил, но занятие он вел увлекательно, и репетиция произвела на меня сильное впечатление. Я подошел к нему и спросил:

— А мне можно?

— Давай, — ответил он.

Поручили мне роль Гошки в «Чудесном сплыве» Киршиона. И мало-помалу втянулся... Однажды подошел ко мне руководитель драмкружка и серьезно говорит:

— Тебе надо идти в театр.

— Ну что вы... Какой из меня артист!

И, окончив техникум, стал работать по специальности. Жил я тогда в Мытищах под Москвой и однажды попал на спектакль Вс. Мейерхольда «Лес». Было это в 1934 году. Спектакль меня потряс. Особо мне Игорь Ильинский в роли

Аркашки Счастливецова. Ничего артист смешного не делал, а было смешно до невозможности... Посмотрел я и «Синюю птицу» во МХАТе. Эти спектакли еще больше укрепили мое отношение к театру как к самому большому чуду в человеческой жизни. Но заветавшие порой в голову соблазнительные мысли об актерстве я по-прежнему испуганно отгонял. А они, признаюсь, все чаще и чаще приходили и уходили все с большим трудом.

Меня призвали на действительную службу, и в армии я сам стал руководить драмкружком. В 1940 году демобилизовался и приехал к старшему брату Алексею Ивановичу погостить в Пермь. Брат работал на заводе имени Свердлова.

— Ну, куда думаешь податься? — спросил он.

Я ему поведал мечту о театре. Он долго ходил по комнате, раздумывал, а потом сказал:

— Посмотри на себя — в чем ты приехал? У тебя ведь ничего нет. И — на артиста? Это не уйдет. Поработай в заводе, осмотришься, оденешься поприличней, тогда — пожалуйста...

Я согласился и устроился на завод. А через год началась война. О театре не могло быть и речи, и всю войну я работал вместе со всеми — для фрон-

та. Работа была трудной, по шестнадцать-семнадцать часов в сутки, иногда неделями не уходили из цеха. Однако мне все же удавалось выкраивать время для руководства заводским драмкружком. Мы поставили «Славу» В. Гусева (я играл роль Мотылькова) и «Они сражались за Родину» М. Шолохова (я играл Лопухина). Мы показывали спектакли в госпиталях, войнам, отправляющимся на фронт и, разумеется, своим заводским.

После войны в июне 1945 года я поступил в студию Пермского драматического театра и сразу же был зачислен артистом. Как видишь, мой выбор растянулся на годы.

Литератор. Зато он оказался безошибочным, и Ваша судьба состоялась. А сколько несчастных людей в искусстве, когда этот выбор происходит скоропалительно!

Артист. Но сложность в том, что театр нуждается в юных. И наш долг помочь им быстрее распознать свою творческую индивидуальность или свое истинное предназначение. Мне повезло, что в меня сразу поверили и стали поручать большие, серьезные роли. Только такие роли дают артисту возможность роста и возможность завоевать успех. А успех укрепляет уверенность в себе, без чего невозможно двигаться

в любом виде творчества, впрочем, как и без сомнений в себе. Я до сих пор каждую свою новую роль сначала воспринимаю как врага. Или она тебя подомнет или ты ею овладеешь!

Литератор. Хотелось бы услышать Ваше мнение еще об одном парадоксе. Актеры часто переезжают из театра в театр. Редко, кто из них имеет в своем послужном списке тричетыре театра. А уж один театр — случай почти уникальный. Как все-таки получилось, что Вы всю свою тридцатилетнюю творческую жизнь провели на одних и тех же подмостках? Неужели у Вас никогда не было желания уехать?

Артист. Как говорится — «рыба ищет где глубже, а человек — где лучше». Артисты меняют театры не потому, что им так хочется. Это происходит по многим причинам, среди которых главная — это творческая неудовлетворенность. Были такие моменты и в моей творческой жизни в Пермском театре.

Вначале, как я тебе говорил, меня согрел успех. Я сыграл Шурку Зайцева в «Старых друзьях» Малюгина. Зритель меня заметил, признал в труппе, похвалил журнал «Театр», отрывок с моим участием возли на смотр в Москву. За роль Син-би-ну в «Бронепоезде 14-69», я стал дипломантом Всероссийского конкурса.

Потом приехал новый главный режиссер, и мне перестали давать роли. Наступило тяжелое время. Я стал терять веру в себя. Вот тут-то и стал думать: а, может, уехать? Попытаться счастья в другом театре? Но приходили и другие мысли: «Если я что-то стою, то я должен все выдержать и доказать свое право на творчество здесь! Пермский театр силен по составу. Неужели, чтобы играть, мне надо переезжать в более слабый? Стать лучшим в худшем?». Это задало, а я все же верил в себя и решил все преодолеть. Но вот сменился главный режиссер, и на меня посыпались роли. Да какие! Лаврухина в «Годах странствия» Арбузова, Лопухова в «Что делать?» Чернышевского.

Помнишь место у пристани Дербейка, где река Белая впадает в Каму? Внезапная, резкая граница между водами той и другой еще долго продолжается, хотя они текут вместе... Вот так произошло и в моей актерской судьбе. И дело, конечно, не только в главном режиссере. Дело и в том, что я не сдался и сумел удержать себя в боевой творческой форме.

Приглашали меня в другие театры и в лучшие периоды моей работы. Например, даже в такой известный театр, как Ярославский имени Ф. Волкова... Но почему-то уход из Пермского театра для меня всегда был равносильным поражению, и я не уходил...

Литератор. В русском актерском искусстве нередко наблюдались две струи — романтическое утверждение человеческой личности и юмористическое отношение к человеку. И актерские амплуа делились на два главных вида — трагики и комики. В Вашей творческой индивидуальности эти качества, на мой взгляд, совместились. В театре Вы играете и героические роли, и комические. Как Вы ощущаете это единство — разделение?

Артист. Русское искусство всегда двигало мечту по хорошему человеку. Я с большим удовольствием и полной отдачей играл и играю роли положительных героев, которые наступательно действуют, осуществляя наш социальный идеал. И — одновременно — с наименьшим удовольствием — играю роли людей, которые несовершенны и находятся, так сказать, на далеких подступах к идеалу. Жизнь — сложный процесс. И современный актер, ощущая и понимая всю ее сложность, должен быть в то же время гармоничным, ибо в единстве этих противоречий и есть правда жизни. Я стремлюсь в героических ролях находить смешные стороны характера, а в смешных — глубокое, одухотворенно-романтическое начало человека. Юмор делает человека объемным. Настоярно-прямым, однозначно «сурезным» людей я не люблю... Не терплю.

Литератор. Какие артисты современности являются для Вас идеалом?

Артист. Николай Симонов. Ты видел его глаза? Какая беспредельная отдача? Он все выплескивает! Какая проникновенность и правда! Иннокентий Смоктуновский. Ювелирная точность мысли и трепетная душевность. Михаил Ульянов. Могучая, первозданная воля. Мужественная человечность. Эти артисты осуществляют для меня вершины современного театра.

Литератор. Что Вы считаете главным условием для того, чтобы хорошо сыграть роль?

Артист. Уловить способ мышления. Как нет одинаковых отпечатков пальцев, так нет и одинаковых способов мышления. Схватить личностную особенность человека — вот главное условие, когда роль можно считать не просто сыгранной, а созданной.

Литератор. Что, на Ваш взгляд, не хватает современной драматургии?

Артист. Открытых характеров. Мало драматургии «раскапывают» душевную глубину современников. Вместо характеров преподносят схемы или давно открытые индивидуальности. И тогда актеру, получившему приблизительно намеченную роль, приходится «сочинять» характер. Это — плохо, когда пьесы — «безролевые». Ведь неисчерпаемая самобытность образа — самое дорогое для актера. А сколько в жизни ярких, удивительно интересных людей, и как их хочется сыграть!

Литератор. А что бы Вам хотелось пожелать своим молодым коллегам?

Артист. Не упрощать современного человека. Философски подходить к каждому сценическому событию и тем более — к роли. Приучать себя мыслить образно, крупно и глубоко. И быть как можно бескорыстнее в искусстве. Верить — чем больше вы отдастесь ему, тем щедрее оно вознаградит вас!

Л. МОЙСЕЕВ,
драматург.

На снимке: заслуженный артист РСФСР А. И. Корчажников.

Фото А. Зернина.